

Костикина Роза Ивановна

Знать, судьба такая!

Я родилась в Саратовской области неподалеку от небольшой речушки в поселке Шефер. Родители, как мне вспоминается, работали в колхозе.

Ребяшня в сельской местности жила привольно. В Рождество дети всей ватагой ходили славить по дворам. Нас принимали охотно. Слушали, как нахваливаем хозяев, угощали различнымистряпанными фигурками, одаривали монетками. Накануне всем миром спешили в церковь. Нарядные. Одежды новые, яркие! Юбки лентами расшиты. Летом собирались играть на поляне. Это было по праздникам и после трудового дня.

Родители держали детей в строгости, работать приучали с детства: и готовить, и порядок в доме держать, и во дворе по хозяйству помогать. Бить не били, так как дети со слова понимали родителей, не смели ослушиваться старших или перечить. Хотя ремешок один раз и достал вдоль спины, когда подрались из-за пустяка с сестрой.

Семья, как и многие другие, была верующей. В доме висели иконы, была библия. Потом церковь закрыли. Там разместились колхозные мастерские. В доме иконы спрятали. Но в 1937 году свата за веру арестовали и увезли куда-то. Больше его и не видели.

Мне было семь лет. Я мало, что понимала из того, что происходит, но помню, тот день, когда пришли и за нашим отцом. Его дома не было. Заходит, с усом иней стряхивает, улыбается. Гости в доме! А «гости» показывают ордер на арест! Тот говорит: «Ищите!» Полезли в ящики, все постели перерыли, все комоды повытрясли. Забрали две библии. И отца забрали. Мы все заголосили. Отец обернулся и сказал: «Ждите! Вернусь! Недоразумение какое-то! Не виноватый я».

Одиннадцать месяцев мы его не видели. Потом вернулся. Двоюродный брат собрал все документы о том, что отец на двух войнах воевал, в колхозе передовиком числился, направил в Москву. Помогло!

Вскоре война началась. Я только два класса и успела закончить. Парней на фронт брали, мужиков в трудармию. Потом пришел приказ всем готовиться к переселению в Сибирь. Все колхозное имущество- большую птицеферму, скот- передали по документам. Евреев в наши дома заселили, тоже откуда-то перевезли. Нас же отправили сначала в Новосибирскую область в Каргатский район, где перезимовали, перебиваясь с картошки на воду. Отец с нами был, начал работать в колхозе. Сестра Нина постарше меня весной уже прицепщиком на тракторе сидела.

К осени оказались в Парабельском районе в д.Толмачево. Много немецких семей привезли сюда на пароходе. Расселили по квартирам по разрядке. У местных не спрашивали, хотят ли они видеть нас квартирантами. Мы стали жить у тетки Устиньи Нестеровой. Добрейшей души была человек! Жалела нас, делилась, чем могла.

Фронту нужна была рыба. Мужиков покрепче, как мой отец, на рыбозавод направляли работать. Моя старшая сестра Нина разнорабочей там была-

помогала строить дома по улице Комсомольской. Потом оказалась на Шпалозаводе на сплавабботах. Ей было очень тяжело. Сбежала к нам в Толмачево. Хотели посадить. Да замуж вышла за Кобер Христьяна Христьяновича. Оставили в покое. Потом в 90 годы она уехала в Германию.

Шел 1943 год. Я пошла учиться в школу. Но ни слова не понимала по-русски. Сколько унижений и оскорблений пришлось пережить! Пацаны были безжалостны- и затрещины давали, и проклятыми фрицами обзывали. Это я позже поняла что не со зла все было. Просто шла война, и их отцов фашисты убивали. А они на мне отыгрывались! Не выдержала, перестала ходить в школу.

В Толмачево оставались одни старики, женщины да дети. Все работали в колхозе. Мы с Ниной Вельш боронили на быках. А это такие упрямые животные! Устанут да и улягутся на поле. Мы вокруг них и с прутом, и со слезами. А они ни с места. К вечеру же надо норму сделать! Ноги еле таскаем. На обед- баланда из гороха или какой-то крупы - расчет за работу. Всех так кормили. И русские сидели голодом. Картошка почему-то не родила. Мы за право иметь огород около дома работали с сестрой бесплатно, так как раскорчеванной земли было мало. А без своего огорода не прожить. Запомнила дедушку Сашу Скирневского. С длинной бородой, и добрыми глазами. Он нами, девчонками, командовал. Никогда не заматерится. Жалел нас. Да работу и с него спрашивали. Вот и уговаривает, убеждает еще поработать. Поднимаемся и дальше идем! В школу я уже больше не пошла.

В 1948 году не по своей воле оказались мы на Сахалине. По списку отобрали несколько немецких семей и на судовой верфь направили строить рыболовецкие суда. Пять лет там прожили. Я вышла замуж, родила двух детей. Отец сильно заболел. И нас опять отправили в Парабельский район, так как мы все еще были под комендатурой, которую сняли в 1957 году.

Родители уже не работали. Я жила своей семьей. В сорок один год осталась вдовой с четырьмя детьми на руках. Как выжила, сама удивляюсь. Корову держала. За право косить на Толмачевской ливе половину сена, поставленного вручную, отдавали в колхоз. Я картошку ходила копать осенью, чтобы получить покос. Самой сегодня не верится, что все это правда. Но выжили. И детей подняла. Валя Комарова, Нина Арестова, Русаков Андрей и Сергей Костикин- это они. Все уже своей жизнью живут. Семьи, дети и внуки есть.

Жизнь прожита. Спрашивают иногда, почему в Германию не поехала. Зачем! Здесь прижились. И на Волгу незачем было возвращаться- все корни были обрублены. Знать, судьба такая!

Записала Н.Голощанова